

Трансформация этнокультурных поминальных традиций кыргызов в первой четверти XXI в. на примере обряда «кошок»: гуманитарные технологии управления семиотикой радикального фронта

Гулзат Усонбековна Байбосунова¹, Замира Айболотовна Джунушалиева², Мырзабек Камчыбек уулу³

^{1,2,3} Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына, Бишкек, Кыргызстан

¹ gulzatbaibosunova@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0009-0067-0411>

² zaama.djai@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0003-9304-5821>

³ myrza.kamchybekov@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0000-8777-3628>

Аннотация. Вопросы трансформации народных обычаев в условиях современного этапа «лоскутной» глобализации, как и попытки их управляемой ревитализации с помощью так называемых «гуманитарных технологий», остаются одним из приоритетных направлений исследований в области культурологии. Не являются исключением традиции кыргызского

народа, для которого по сей день в число социально значимых культурных практик входят похоронный процесс и поминальные обряды. Цель данного исследования — установить ключевые векторы воздействия на трансформации поминально-погребального обряда кыргызов в первой четверти XXI в. на примере обряда-обычая «кошок» (поминальная песня-причитание). Достижение этой цели предполагало решение следующих задач: (1) описать ключевые особенности поминально-погребального обряда кыргызов в его исторической проекции, выделив практику «кошок» в её семиотическом значении; (2) систематизировать научные данные о различных аспектах «кошок» (социальных, психологических, аксиологических); (3) на основе количественных и качественных методов выявить изменения, происходящие в исследуемой культурной практике с учётом динамики трансформации соответствующих ценностей и значений в период, когда происходит переход от традиционных форм поминок к более современным форматам; (4) определить возможности и границы гуманитарных технологий, направленных на ревитализацию погребально-поминальных традиций в кыргызском обществе. Материалами

исследования послужили этнографические сведения об обряде «кошок», автоэтнографические наблюдения и данные проведённого нами опроса. Работа опирается на ценностный подход. Используются методы наблюдения и опроса. В результате исследования установлено, что поминальные традиции кыргызов в настоящее время подвергаются выраженной семиотической трансформации. (1) Историческая структура погребально-поминального обряда кыргызов включала в себя «кошок» как способ работы коллективного и индивидуального сознания по освоению феномена радикального фронта между жизнью и смертью (обряд проводился на могиле). (2) В настоящее время практика «кошок» редуцируется, постепенно утрачивая сакральное значение, сводится прежде всего к психологическим аспектам. (3) Десакрализация погребально-похоронной обрядности отражает влияние социальных и экономических факторов глобализации на культурные традиции (обряд проводится в кафе и ресторанах). (4) Семиотически редуцированный «кошок» сохраняет своё ценностное ядро. Дальнейшее исследование погребально-поминальных традиций государств Центральной Азии поможет уточнить динамику семиотического переформатирования этой сферы, выявить соотношение сакральных и утилитарных смыслов проведения соответствующих обрядов.

Ключевые слова: глобализация, традиции и обычаи, гуманитарные технологии, погребально-поминальный обряд, ценности этнокультуры, горевание, киргизская культура, ритуал

Для цитирования: Байбосунова Г. У., Джунушалиева З. А., Камчыбек уулу М. Трансформация этнокультурных поминальных традиций кыргызов в первой четверти XXI в. на примере обряда «кошок»: гуманитарные технологии управления семиотикой радикального фронта // Концепт: философия, религия, культура. — 2026. — Т. 10, № 1. — С. 44–60. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-44-60>

Research article

Transformation of Ethnocultural Memorial Traditions of the Kyrgyz People in the First Quarter of the 21st Century on the Example of the *Koshok* Memorial Practice: Managing the Semiotics of the Radical Frontier

Gulzat U. Baibosunova¹, Zamira A. Dzhunushalieva², Myrzabek Kamchybek uulu³

^{1, 2, 3} Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

¹ gulzatbaibosunova@gmail.com <https://orcid.org/0009-0009-0067-0411>

² zaama.dj.ai@gmail.com <https://orcid.org/0009-0003-9304-5821>

³ myrza.kamchybekov@gmail.com <https://orcid.org/0009-0000-8777-3628>

Abstract. The transformation of folk customs in the context of the current stage of globalization and attempts at their controlled revitalization using so-called humanitarian technologies remain one of the priority areas of research in cultural studies. To this day, funerals and memorials are among the socially significant cultural practices for the Kyrgyz people. This study aims to identify key transformations of Kyrgyz funeral practices in the early 21st century, using the ritual of *koshok* (a funeral song and lament) as an example. To achieve this goal the following tasks were set: 1) to describe the key features of the memorial and burial process, including *koshok*, among the Kyrgyz; 2) to systematize scientific data on various aspects of *koshok* (social, psychological, axiological); 3) to identify changes in the studied

cultural practice, considering how values and meanings have shifted as commemoration practices transition from traditional to modern forms; 4) to determine the possibilities and limits of humanitarian technologies aimed at revitalizing funeral and commemorative traditions in Kyrgyz society. The study draws on ethnographic data on the *koshok* ritual, autoethnographic observations, and survey data. The research relies on a value-based approach that allows the authors to assess the social significance of specific elements of the memorial ritual. Grief theories are also incorporated. Observation and survey methods were used, and the emotional and psychophysiological states of the participants were analyzed. Based on the example of the *koshok* ritual, the study identified key vectors of transformation in Kyrgyz memorial traditions. It has been established that these changes are met with an ambiguous attitude and state control. Conclusions. (1) *Koshok* is a way of working with the collective and individual consciousness to master the phenomenon of the radical frontier between life and death and combined earthly and sacred meaning. (2) Currently, the practice of *koshok* is being reduced to its psychological, social and value aspects, gradually losing its sacred significance. Cafes and restaurants are becoming venues for holding memorials in contrast with the initially modest ritual feast of meat and bread. (3) The desacralization of rituals reflects the influence of social and economic factors of globalization on cultural traditions. (4) Nevertheless, even in its reduced form, *koshok*, combining verbal sympathy and material support, retains its significance as a grieving practice, confirming the public demand for the revitalization of this tradition, which is also supported at the legislative level. Further research into the funeral and memorial traditions of Central Asian states will help clarify the dynamics of the semiotic reformatting of this sphere and identify the relationship between the sacred and utilitarian meanings of the corresponding practices.

Keywords: globalization, customs and traditions, humanitarian technologies, memorial process, grief, ethnic cultural values, Kyrgyz culture, ritual

For citation: Baibosunova, G. U., Dzhunushalieva, Z. A., Kamchybek uulu, M. (2026) 'Transformation of Ethnocultural Memorial Traditions of the Kyrgyz People in the First Quarter of the 21st Century on the Example of the *Koshok* Memorial Practice: Managing the Semiotics of the Radical Frontier', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 10(1), pp. 44–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2026-1-37-44-60>

Введение: глобализация, традиции и погребальная обрядность

Внимание к ценностям и традициям тех или иных сообществ в настоящее время не ограничено сугубо научными рамками. Прорывные открытия в области социального инжиниринга и искусственного интеллекта выдвинули на передний план вопрос о поиске новых гуманитарных технологий [Багирова, 2018; Соломин, Митин, Верещагина, 2011; Щеглов, 2024; Парма, Сучилина, 2025], способных модерировать конструирование групповой идентичности. Ориентация в этих вопросах важна не только для журналистов, имиджмейкеров или маркетологов [Слинкова, 2021; Парма, 2025], но прежде всего для представителей государственных

структур, которые берут на себя ответственность за формирование атмосферы гражданской сплочённости и взаимовыручки. Таким образом проблематика традиционных ценностей оказывается тесно связанной с политиками памяти, создавая проекты формирования национальной идентичности, единения этноса, обеспечения культурной устойчивости и т.д. [Домбровская, Огнев, 2024; Belliveau, 2016; Казаков, 2014]. При этом как никогда важными оказываются уже апробированные практики социального интегрирования, относимые властными структурами к пласту традиционных ценностей [Фаткуллина, Каримов, 2020]. Как правило, речь идёт не только о содержании тех или иных ценностных категорий (прежде всего, моральных, получающих своё конкретное наполнение в зависимости от культурного контекста во всей его актуальной полноте

[Лихотинский, 2025; Шаткин, Орлов, 2024; Агапов, 2025; Щипков, 2017]), но прежде всего о самих культурных практиках, складывавшихся веками и подтвердивших свою (условную) гибкость в реализации представлений о должном в каждом из проживаемых обществом временных отрезков его истории. Не менее важен с нашей точки зрения этнокультурный подход, который «не дробит» культуру на отдельные ракурсы», но позволяет реконструировать её «тезаурус, сокровищницу знаний» [Ламажаа, 2023: 6], раскрывает её самобытность и конструирующий потенциал традиции [Ламажаа, 2016; 2013; Мадюкова, 2013].

Отдельный интерес вызывает развитие традиционных представлений и соответствующих культурных практик под влиянием процесса глобализации. Несмотря на его «лоскутный» [Лебедева, 2021; Братерский, 2024; Чумаков, 2016: 151, 160-166] характер, не потеряли своего значения сложившиеся к настоящему времени тенденции унификации образа жизни и соответствующие представления, идеи и поведение. И, разумеется, нельзя не отметить встречные тенденции регионализации и даже умонастроения изоляционизма [Ниязов, 2021]. Взаимное влияние этих противоречивых тенденций сказываются как в жизни небольших групп, так и на уровне макросообществ.

В числе традиций, имеющих большое значение в личном и социальном плане, выделяются традиции погребальной культуры (похоронного процесса, поминок и т.д.).

Для Кыргызской Республики сегодня одним из вызовов является трансформация погребальной культуры под влиянием глобализационных процессов, затронувшая не только приватную, но и публичную сферу, включая сферу правового регулирования. Так, с 14 октября 2024 г. действует указ президента КР № 296 «О мерах по реализации Закона Кыргызской

Республики “О погребении и похоронном деле”»¹, где указывается, что в современном кыргызском обществе при проведении погребений усопших встречаются такие отрицательные проявления и пороки, как тщеславие, пренебрежительное отношение к социальному положению других людей, чрезмерное расточительство, игнорирование религиозных обычаев и традиций — родственники усопшего возводят мавзолеи, сооружения из камня, гранита или мрамора огромных размеров, устанавливают статуи покойного, могилы окружают роскошные металлические ограды². Данный закон не только фиксирует недопустимость чрезмерно высоких расходов, которые приводят семьи к непосильной финансовой нагрузке, долгам (некоторые берут кредиты в банке для проведения поминок), но связывает этот феномен с динамикой обмирщённых ценностей глобализирующегося общества. В качестве противоядия подобным тенденциям выдвигается идея возвращения к традициям, показавшим свою устойчивую общественную значимость, в том числе значимость как социально-психологического регулятора. Таким образом возвращение к традициям «народной» погребальной культуры видится попыткой решить не только духовные, но и вполне земные задачи. Сам поминальный процесс в его традиционном «скромном» варианте с этой точки зрения становится регулятивным идеалом, выступая как значимая этнокультурная ценность.

Погребально-поминальная культура кыргызов в призме научных исследований

Среди исследователей, обращавшихся к обширнейшей теме изучения погребальной культуры, для нас важно выделить исследователей семиотики культурных кодов, связанных с погребально-

¹ Закон Кыргызской Республики от 22 февраля 2024 года № 53 «О погребении и похоронном деле». URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5312/edition/4298/kg>

² Указ Президента КР от 14 октября 2024 года УП № 296 О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики “О погребении и похоронном деле” URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/5-10716/edition/18071/ru>

поминальной культурой различных народов [Багдасарян, Гришков, 2003; Иванова, 2002; Дворников, 2015; Семенова, 2006].

Имеются также многочисленные научные работы, посвящённые материальному аспекту погребальной культуры, в том числе, культуры кыргызов. Так, в работе М. И. Молдалиевой на основе современных исследовательских методов проанализированы пути формирования современного кыргызского народа [Молдалиева, 2021]. Значительный корпус представляют собой работы, связанные с историко-археологическим освещением данной темы, однако для нас представляет интерес не столько археология, сколько живая обрядность. Примером связи этих подходов можно назвать статью В. А. Кольченко, которая затрагивает проблему архивных свидетельств об археологических раскопках в Кыргызстане, включая данные по погребальным обрядам [Кольченко, 2020].

Наиболее ценна для нашей исследовательской оптики статья Ж. Орозбековой и Л. Н. Мыльниковой, в которой детально описана историография изучения погребально-поминальной культуры кыргызов, включая исследования погребально-поминальных обрядов конца XX – начала XXI вв. [Орозбекова, Мыльникова, 2025].

Не менее важны сборники фольклора, позволяющие проследить семиотику погребальных обрядов на конкретном этнографическом материале. Для нашего исследования наиболее значимым оказался сборник поминальных плачей «кошок» под редакцией С. Егембердиева, изданный в Бишкеке в 1998 г.³

Психологический аспект изучения погребально-поминальной культуры

Наше исследование посвящено непосредственно изучению тех изменений, которые коснулись в первой четверти XXI в. погребальную культуру кыргызов, причём прежде всего разрезе социальной психологии и психологии личности

с учётом влияния этого аспекта переживаний на трансформацию сопряжённых с этими традициями ценностей. В данной связи для нас представляется значимым обратиться к тезису о том, что поминально-погребальные традиции связаны с сильными эмоциональными переживаниями, прежде всего — переживанием горя и утраты.

Проблемой горя и утраты занимались такие «классики» психологии, как Дж. Тэйтелбаум [Tatelbaum, 1980], Эрих Линдемманн [Lindemann, 1994], Дж. Боулби [Bowlby, 1961], Э. Кюблер-Росс [Kübler-Ross, 1969]. В частности, Дж. Боулби выделяет три стадии горевания — протест, дезорганизацию, реорганизацию [Bowlby, 1961]. Дж. Тэйтелбаум также выделяет три стадии, однако иначе их интерпретирует: шок, страдание и дезорганизация, остаточные толчки и реорганизация [Tatelbaum, 1980]. В свою очередь Э. Кюблер-Росс, которая пользуется наибольшей популярностью за пределами специалистов-психологов, подходит к вопросу более дифференцированно и выделяет пять стадий: шок и отрицание, злость, торг или сделка, депрессия, принятие [Kübler-Ross, 1969].

Заметим: общепринятой классификации процесса переживания на сегодняшний день не существует. В то же время общим для всех упомянутых выше авторов является классификация горя/переживания с учётом стадии переживания горя, что особенно важно с позиций нашего культурологического исследования. Также для нас важны подходы, которые рассматривают горевания (горе) и как событие, и как процесс, как травму.

Обратим также внимание на идеи Эриха Линдемманна, который ввёл понятие «синдром острого горя» и выделил нормальные и патологические формы горевания [Lindemann, 1994].

Самое распространённое определение горя принадлежит Дж. Тэйтелбаум [Tatelbaum, 1980]: горе — это комплексный феномен, охватывающий эмоциональную

³ Кошоктор./ Түз баш сөзүн жазган — С. Егембердиева. А. Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. Кырг. Улут.И.А.ж.б. Бишкек: Шам, 1998 352 б.

и соматическую сферы, а также сферу повседневной деятельности и общения, где горе создает трудности адаптации, изоляцию, утрату работоспособности и т.д. Пережить горе — значит испытать сопутствующие эмоции и преодолеть их. Чтобы пережить горе, необходимо прочувствовать, выразить и принять все эмоции, которое оно вызывает. И хотя горе болезненно, тем не менее это нормальное и неизбежное жизненное переживание; горе преодолимо, более того, оно даёт возможность личностного роста; знание о протекании процесса горя оказывает терапевтический эффект на скорбящего человека.

Современный взгляд на горевание трактует его как многоуровневый и высоко индивидуализированный процесс. На переживание утраты воздействует культура, жизненный опыт, личностные характеристики. Всё это формирует уникальный способ проживания горя [Doughty, Hoskins, 2011]. Горюющий нередко приходит в шоковое состояние, отказывается поверить в услышанное. Затем известие вызывает такие чувства, как злость на тех, кто принёс трагическую информацию, бессилие, испуг, ужас и т.д. В психофизиологическом плане наблюдается тремор, озноб, мышечные зажимы, головокружение и т.д. Выплёскивание этих чувств как социально одобряемый способ их переживания и регулируют, по нашему мнению, погребально-поминальные традиции. Подобные социально значимые образцы поведения в экстремальных трагических обстоятельствах, апробированы веками и представляют собой материал для выстраивания научно обоснованных социальных технологий современности, способных противостоять негативным тенденциям в обществе. Что, разумеется, не означает попытки «мумификации» стремительно утрачиваемых культурных практик: речь идёт о стремлении выделить прежде всего ценные психологические наработки

и способы их реализации вовне, пригодные для корректирования поведения в современных условиях.

Погребальная культура кыргызов: погребение и поминальный обряд

Смерть человека в традиционной культуре кыргызского народа, сочетающей доисламские верования с исламским влиянием, считается самым трагичным явлением. «*Жамандык келди*» («пришло горе») — говорили кыргызы, когда человек испускал дух. А если умирал известный человек, лидер рода, племени, горе достигало всех сородичей и соплеменников, все были мобилизованы на организацию и проведение траурных мероприятий [Кочкунов, 2013].

Согласно неструктурированным наблюдениям, кыргызы по сей день придерживаются ключевых традиций и обычаев, включая погребально-поминальный комплекс. В него входят: похороны, *уч илик* — проведение поминок на третий день после похорон, *жетилик* — поминки на седьмой день после похорон, *кырык-аш* — на сороковой день, через год либо *аш* — через 5–7 лет (в Таласской области).

Все виды поминок представители данного этнокультурного сообщества связывают с определёнными причинами. К примеру, считается, что на третий день после смерти происходит полное окоченение умершего человека, организм выводит ненужные вещества, кишечник полностью очищается и т.д. Эти эмпирические знания встроены в систему категоризации, и одновременно маркированы как культурный опыт, который передаётся из поколения в поколение от отца к сыну⁴.

По обычаю считалось, что души умерших нужно снабжать пищей. Для этого принято организовать угощение на третий день после смерти, на седьмой день, на сороковой день и через год (*аш*)- либо через 5–7 лет. Согласно имеющимся данным,

⁴ Передача культурного опыта предполагает конкретные групповые и индивидуальные действия, условия осуществления которых не могут быть идентичны [Boyd, Richerson, 1987], что открывает возможности трансформации традиции даже при внешнем сходстве последовательности производимых действий.

в XVIII–XX вв. угощения по случаю поминок принято было устраивать непосредственно возле могилы умершего человека. Принесли варёное мясо и жаренные *боорсоки* (куски жаренного тонкого теста). Иногда мясо варили там же. Всю пищу было принято съесть без остатка, посвящая этот приём пищи душе умершего человека (как видим, в этом обрядовом действии явно прослеживаются следы доисламского мировоззрения). Подобную традицию можно было наблюдать на севере Кыргызстана, в Нарынской и в Ыссык-Кульской области. После проведения обряда *аш* заканчивается траур по умершему человеку.

В начале XX в. происходит трансформация этого обычая: поминки стали проводиться в доме умершего человека. Тогда же происходят изменения в ассортименте пищи, дома родственники могли (в зависимости от финансовой состоятельности) организовать «хорошие» поминки с более разнообразной пищей (от степных традиций поедания преимущественно мясной пищи переходят к демонстрации изобилия — на поминальном столе появились салаты, разные виды выпечек, сладостей и т.д.). К концу XX в. меняется также место проведения обряда, теперь в городах для удобства родственников поминки проводят не дома, а в кафе и ресторанах. Таким образом тенденции глобального restructuring социального пространства постепенно переводят поминовение из пространства сакрального фронта (могила как граница между миром живых и миром мёртвых) в обмирщённое пространство повседневного социального взаимодействия. Ещё раз подчеркнём, что при этом видоизменяется и пищевое поведение, предписанное в ходе проведения данного обряда.

Обряд «кошок» в структуре погребально-поминальных традиций кыргызов

Один из инструментов выплескивания эмоций в ходе поминок у кыргызов

называется «кошок». «Кошок» — это песня-плач, причитания по умершему. Поют его женщины внутри юрты, а снаружи мужчины выдают скорбные возгласы — *өкүрук*. Надо сказать, что ранее «кошок» не принадлежал исключительно к поминальным традициям, его пели в разных ситуациях: при перекочевке, проводах невесты и т.д. Однако в данный момент «кошок» представлен в культуре только на похоронах, на *кырк-аш* (после 40 дней) и на *аш* (годовщине).

С помощью «кошока» принято оповещать о смерти человека. Люди, прежде всего близкие, приходили к родне умершего и начинали с помощью песни-кошок передавать новость.

«Кошоки» уникальны по своему содержанию и представляют собой фольклорную традицию. Какой-либо общий алгоритм здесь отсутствует, «плачущий», выражая свои чувства, импровизирует. Этнографические данные, собранные исследователями этого обряда, позволяют заключить, что «кошоки» можно систематизировать по тематикам и по возрасту умершего человека. Анализ содержания «кошока» помогает узнать, кем был воспеваемый для близких, определить место, которое он занимал в обществе, описать его характер, разделяемые им ценности [Анарбекова, 2016]. Далее приведём несколько примеров «кошоков», собранных в сборнике 1998 г., сопровождая их нашим построчным переводом. В зависимости от конкретной тематики среди них выделяются плачи по отцу, сыну, матери, брату, мужу (плачи-причитания по сестре и дочери в этом исследовании не приводятся, в этом сборнике есть).

«Кошок» по отцу:

Кызылды жаап топтошуп,
Кыз, келин ыйлап боздошуп,
Кыямат кетти атакем,
Кыйлабыз менен коштошуп.
Жаназа окуп топтошуп,
Жакыны ыйлап боздошуп,
Жалгандан кетти атакем,
Жалпыбыз менен коштошуп...⁵

⁵ Кошоктор, 89 бет.

[Покрывшись в красное
 Девушки и невестки плачут скорбя,
 В мир иной ушёл мой отец,
 Попрощавшись с некоторыми из нас.
 Читая жаназа⁶, собравшись в кучку,
 Близкие плачут навзрыд,
 Из лживого мира ушёл мой отец
 Попрощавшись со всеми нами].

В данном плаче-причитании говорится, что уход в иной мир из мира живых происходит через прощание и похороны. Вся женская часть родственников оплакивает усопшего, дочери и жена вспоминают, каким он был человеком, отцом и т.д. Упоминание «лживого мира» живых в контрасте с «иным миром» отражает дуалистическое мифологическое представление о земном бытии как о временном и несовершенном. Плач-причитание к выражает коллективное отношение усопшему как главе семьи, хранителю традиций и моральных ориентиров. Ритуал подчёркивает важность наследия, преемственности и ответственности в семейных отношениях.

«Кошок» по сыну:

Күлкайырдын гүлдүндөй,
 Байчечекей түрүндөй.
 Алладан жарлык келиптир,
 Өтүп бир кеттин билинбей...⁷

[Словно улыбчивый цветок (в рассвете сил)
 Как подснежник-первоцвет
 По воле бога
 Ушёл ты от нас (умер) внезапно (незаметно)].

Это плач матери, в котором говорится о нарушении естественного жизненного цикла и порядка бытия, что выразилось в уходе потомка (сына) раньше своих предков (родителей). Плач отражает глубокую экзистенциальную проблему — осознание конечности человеческой жизни, неспособность полностью реализовать материнскую заботу и увидеть развитие своего потомка.

⁶ Жаназа — заупокойная молитва.

⁷ Кошоктор, 24 бет.

⁸ Кошоктор, 52 бет.

⁹ Кошоктор, 106 бет.

«Кошок» по матери:

Сүйрү саба сүт кымыз,
 Сүйлөшүп кимге сунабыз.
 Сүт татыган жакшы сөз,
 Энекем көзү өткөн соң,
 Эми кимден угабыз...⁸

[Из продолговатого сосуда (саба) подавая кумыс,

К кому мы будем обращаться и (с кем) общаться.

Доброе слово, что слаще молока,

От кого мы услышим

После того, как мамы нашей не стало...]

Традиционный «кошок» по усопшей матери поётся дочерьми. Они вспоминают о доброте матери, о дочерней близости с ней. Далее по тексту говорится: «мы с ней как подруги были», «с кем секретами будем делиться», «кто будет нам наставления давать» и т.д. В этот «кошок» встроены нарративы о добродетели, доверии и наставничестве, что символизирует важность материнской фигуры как хранительницы семейных традиций, моральных ориентиров и эмоциональной поддержки.

«Кошок» по брату:

Оң ийнимде манатым,
 Оңдон бир учар канатым.
 Сол ийнимде манатым,
 Солдон бир учар канатым.
 Уялашым,
 Бир уядан он элек,
 Онун бирдей койгон жок,
 Мени эмине кудай урган жок...⁹

[На правом плече — манат (ворсистая драгоценная ткань)

Справа — моё летящее крыло.

На левом плече — манат

Слева — моё летящее крыло.

Родненький,

Нас было целых десять с одного гнезда,

Десяток целым не оставил,

Почему же вместо тебя Бог меня не забрал...]

Данный вид «кошока» поётся сестрой, которая говорит о своём жертвенном желании поменяться с ним местами при «перелёте» за грань жизни. Далее по тексту она вспоминает, как многочисленные братья/сёстры росли все вместе в отчем доме; говорит о том, каким хорошим человеком был её брат. Причитание «как будто бы мою часть забрали в мир иной» свидетельствует о переживании кризиса идентичности. Вспоминая совместное детство, сестра стремится запечатлеть брата в своей памяти и в памяти всех собравшихся как доброжелательного и значимого человека. Выражая плачем ощущение потери и скорби, она сообщает о сильной эмоциональной связи с усопшим. Рассказ о взаимодействии с ним «в отчем доме» приоткрывает механизмы формирования семейных ценностей.

«Кошок» по мужу:

Карарган тоодон кун чыкты,
Кайгырган бейбак унчыкты.
Кайгырсам айтам арманды,
Казыркы дуйнө жалганды.
Көтөрбөскө айла жок,
Башыма кудай салганды.
Берген кудай өзү алды,
Мен бейбак ыйлап тул кылды...¹⁰

[Из-за чёрных гор взошло солнце,
Объятая горем несчастная зарыдала.
В печали своей я поведаю о боли,
О лживом и скоротечном мире.
Другого выхода нет, кроме как вынести то,
Что Бог возложил на меня.
Что он дал, то и забрал
Оставив меня, скорбящую, одну].

Далее причитающая женщина восклицает: «как без мужа вокруг темно, непонятно», «некому мне свои проблемы рассказывать», «бог дал мне такого мужа и обратно забрал» и т.д. Причитание жены по усопшему супругу отражает глубокую

потребность в чувственной связи с ним, обеспечивающую её психологическую стабильность, как и стабильность всей семьи.

Приведённые примеры, как нам представляется, убедительно показывают наличие в поминальной песне-плаче «кошок» глубокого социально-психологического фундамента, передающего идею родственной связи, связи поколений, связи человека, семьи и общества. Между тем, нельзя не признать, что под влиянием текущих социальных трансформаций меняется само содержание этих ценностей и отношение к ним. Наше исследование посвящено поиску ответа на вопрос, как именно происходят текущие изменения, какова их направленность и существуют ли актуальные способы управления ими.

**Поминальный обряд
в реальном времени —
что конкретно изменилось сегодня
(результаты опроса)**

Базой проведённого нами эмпирического исследования стали Чуйская область (г. Бишкек), Таласская, Ыссыккульская и Джалал-Абадские области. В опросе участвовали 470 человек, возраст опрашиваемых варьировался от 18 до 25 лет; данных по принадлежности к городскому либо сельскому населению к сожалению собрать не удалось.

Выбор молодёжи в качестве группы опроса не случаен, поскольку трансляция традиции напрямую зависит от того, кто и как её будет продолжать. В Кыргызстане молодёжь признаются люди в возрасте от 14 до 35 лет, такой закон был принят Жогорку Кенешом КР и подписан указом президентом КР в законе № 157 «О молодёжи» КР от 4 августа 2023 г.¹¹

В рамках нашего исследования была разработана анкета-опросник «Трансформация этнокультурных ценностей

¹⁰ Кошоктор, 249 бет.

¹¹ Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2023 года № 157 О молодежи. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3394/edition/1270197/kg> Напомним: к настоящему времени ВОЗ принял новую классификацию молодёжного возраста — от 18 до 44 лет. Как известно, Кыргызстан входит в ООН, а ООН признаёт, что ресурсы молодёжи имеют важнейшее значение для развития общества (это отражено, в частности, в резолюции № 2250, где сказано, что молодёжь является приоритетной группой в свете целей устойчивого развития [Байбосунова, ЗДжунушалиева, 2024]).

кыргызов на примере поминальных традиций и обрядов». Анкета состояла из 10 закрытых вопросов, направленных на выявление значимости и трансформации этнокультурных ценностей кыргызов (поминальный обряд) среди населения, относимого к указанной социальной группе.

На первый вопрос: «Укажите ваш регион проживания (откуда вы родом)» большинство опрошенных ответило — Бишкек (71%), далее Талас (20%), Ыссык-Куль (7%) и 2% — Джалал-Абад.

На второй вопрос: «Какие обычаи и традиции вы соблюдаете при поминальном процессе?» 100% респондентов ответили — «все». В закрытом перечне речь шла о таких обычаях, как оповещение о смерти, изображение-фотография умершего в юрте, переодевание в траурную одежду, приём и расположение гостей, обмывание, оборачивание в саван, чтение *Джаназа*

(похоронная молитва, которая проводится в мечети или на кладбище), *Куран* (чтение аятов из Корана), три дня траура, соблюдение 40 дней и годовщина *-аш*.

На третий вопрос: «Замечаете ли вы изменения в традициях и обычаях поминального процесса в вашем регионе?» ответы разделились пополам, «да» — 50%, «нет» — 50%. Примеры ответов: «да, если раньше затягивалось на 3 дня, то сейчас хоронят раньше 3 дней»; «есть изменения в связи с влиянием социальных сетей»; «в разных регионах разные обычаи; нету *уч илик*¹² и *жетилик*¹³».

На четвёртый вопрос: «Придерживаетесь ли вы исполнению “кошоков” при похоронном процессе?» ответы также разделились пополам, 50% на 50%.

На пятый вопрос: «Получали ли вы эмоциональную разрядку при проживании горя с помощью “кошоков”?» были получены неоднозначные ответы (табл. 1).

Таблица 1. Получали ли вы эмоциональную разрядку при проживании горя с помощью «кошоков»?

Table 1. Did *koshoks* help you achieve emotional release while experiencing grief?

Полученные результаты в %	
Нет	44%
Да	43%
Не знаю	3%
Я не буду испытывать эмоций	5%
На себе не испытывали	2%
Не помогает, становится хуже	3%

На шестой вопрос: «Сколько длилось по времени ваше горе?» ответ зависел от того, насколько был близок почивший человек,

насколько прочной была эмоциональная связь с ним (рис. 1).

Рисунок 1. Сколько длилось по времени ваше горе?

Figure 1. For how long did you experience grief?

¹² *Уч илик* — поминальный обряд на третий день после похорон.

¹³ *Жетилик* — поминальный обряд на седьмой день после похорон.

На вопрос: *«Изменилось ли ваше психоэмоциональное состояние в период горевания?»* 82% опрошенных ответили «да». Примеры: *«были изменения в худшую сторону»; «долгое время не осознаёшь, что того человека нет и плачешь, вспоминая хорошие моменты».*

Такой же процент данных представлен в ответе на вопрос: *«Изменилось ли ваше отношение к традициям и обычаям похоронного процесса после прожитого опыта?»*: «да» — 82% респондентов.

На вопрос: *«Какие традиции и обычаи вы изменили бы и почему?»* были получены следующие ответы:

«Изменила бы дарение ткани и платков и других вещей на деньги в конверте, так более удобно»; «Отменила бы жертвоприношение животных, а также приглашать много людей на поминки, как будто той устраивают»; не следует «делить имущество умершего, так как одни горюют другие борются за эти украшения и одежду»; отменил бы «40 дней, потому что тем, кто в трауре, у него горе явно не нужны какие-то родственники с пакетами и сожалениями о случившемся»; «Человеку нужен отдых, а ощущение что люди приходят напоминать что у него горе, плюс ещё юрта которая тоже напоминает похороны».

На последний вопрос: *«Значимы ли традиции и обычаи поминального процесса кыргызского народа для вас?»* ответ «да» выбрали 91% респондентов.

Полученные данные подтверждают важное психологическое значение погребально-поминальной обрядности, противоречивое отношение к различным её компонентам среди опрошенных, а также наличие запроса на управление текущими изменениями, которые происходят в данной сфере в настоящее время.

Трансформация обряда «кошок»

Согласно полученным в результате автоэтнографических наблюдений данным, на текущий момент этот обычай трансформировался в формат словесной передачи известия о смерти родным, с элементами утешения и поддержки в самом начале сообщения. Далее по обычаю

в установленную заранее юрту заводят женщин-родственниц (мать, сестёр, супругу, тётей, бабушек, дочерей и т.д.), а также специальных женщин-плакальщиц, которые будут петь «кошок» за определённую оплату.

В период трёхдневного траура (на данный момент в разных регионах это может быть 1-2 дня) женщины поют «кошок» для того, чтобы горюющие могли выплакать негативные эмоции, которые возникают у них. Горюющий может быть дезорганизован, дезадаптирован. Чтобы его растормозить, женщины начинают петь песню-причитание. Они могут петь по умершему от лица матери, от лица жены, дочери.

Поют «кошок» и сами горюющие женщины, часто получая при этом эмоциональное облегчение.

Стоит подчеркнуть, что чёткое и последовательное соблюдение этой традиции характерно преимущественно для сельской местности. Однако, как следует из содержания соответствующих законов КР, её ревитализация представляется перспективной с таких точек зрения, как:

- экономическая (отказ от непомерных, часто долговых, расходов на поминки, тяжким бременем ложащихся на родственников, реализация более скромного и морально оправданного сценария поминок),
- социальная (отказ от демонстрации своего материально-финансового превосходства, демонстрация уважения к менее обеспеченным согражданам, способствующая поддержанию социальной солидарности) и
- психологическая (отказ от подавления эмоций, их выплёскивание в апробированной народной практике горевания).

Заключение

Итак, в качестве факторов трансформации погребально-поминальных традиций на примере анализа обряда «кошок» необходимо выделить как очевидные (столкновение *тенденций глобализации* повседневности с устойчивыми

этнокультурными традициями и обычаями), так и менее очевидные, связанные с семиотической перестройкой культурного пространства под влиянием факторов первого типа (то есть глобализационных тенденций унификации образа жизни, размывающих сложные смысловые конструкции). К последним относятся и равноуровневые смысловые коды, пронизывающие похоронную обрядность.

Как уже отмечалось, общественное значение похоронных обрядов в Кыргызстане чрезвычайно высоко, что объясняет внимание государственных структур к выработке обоснованной политики в данной области. Тот факт, что в Указе президента КР № 296 «О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики «О погребении и похоронном деле») и Законе Кыргызской Республики от 22 февраля 2024 года № 53 «О погребении и похоронном деле» содержится анализ ценностных оснований текущих изменений, показывает высокую роль морального авторитета и традиционных ценностей в кыргызском обществе, сохранившиеся несмотря на давление утилитарных моделей культуры, обычно связываемых с идеологией и экономикой глобализации. Также неочевидным фактором, который тем не менее оказывает своё влияние на сохранение соответствующих обычаев и модерирует запрос на ревитализацию традиционных способов их реализации является фактор религиозный, совмещающий доисламские традиции с традициями ислама. Однако и здесь речь идёт в первую очередь не о способах взаимодействия профанного и сакрального миров в ходе продвижения человека в область радикального фронта между жизнью и смертью, но прежде всего о поиске механизмов стабилизации психологического состояния человека, погружённого в переживание трагического события — окончания земного пути его близких. С этой точки зрения такие элементы похоронной обрядности, как «кошок», рассматриваются прежде всего как оптимизированные способы горевания, помогающие преодолеть подавление эмоций и блокировать психосоматические заболевания. При этом «кошок»

продолжает обеспечивать социальную интеграцию, передачу из поколения в поколение ценностей единения родных и близких. В свою очередь, стремление властных структур встроить этот обряд в контексты социально модерируемых практик, сделав частью гуманитарных технологий, опирается на фиксируемую семиотическую редукцию, направляя её в конструктивное русло.

Анализ поминального процесса как этнокультурной ценности показал также, что переживания горя в современном кыргызском обществе имеет коллективную поддержку, что в свою очередь способствует сохранению культурных традиций. И хотя согласно данным проведённого нами опроса отношение к современным погребально-поминальным традициям в кыргызском обществе противоречиво, эти традиции соблюдаются: так, в молодёжной среде, наиболее подверженной стремлению к обновлению, признание их значимости составляет 100%. Это позволяет предположить, что и общество в целом подходит к отметке, близкой к 100%.

Отмечая, что изменения поминального обряда в материальном смысле коснулись прежде всего мест его проведения (в настоящее время поминки происходят не на могиле умершего, а в кафе и ресторанах), что в свою очередь провоцирует отказ от ритуальной пищи, мы можем констатировать, что структурно погребально-поминальный обряд пока ещё сохраняет свою условную целостность. Однако в сознании части респондентов он приобретает всё больше черт «этнографичности», оставаясь при этом важным инструментом выплескивания эмоций и облегчения процесса горевания, являясь способом выражения горя и взаимной эмоциональной поддержки. Несмотря на заметные изменения, традиции поминовения продолжают выполнять свою важную роль в жизни кыргызского общества, а конкретные обряды, его составляющие (в частности, «кошок»), демонстрируют высокую степень адаптивности к культурным изменениям, вызванным глобализацией.

Список литературы:

- Агапов О. Борьба за традицию как форма социально-антропологической практики // *Patria*. — 2025. — Т. 2. № 1. — С. 89–103. <https://doi.org/10.17323/3034-4409-2025-2-1-89-103>
- Анарбекова В. Э. Историческая значимость пения причетов (кошок — оплакивание в стихах умершего) в традициях у кыргызов // *Наука, техника и образование*. — 2016. — № 7. — С. 80–82.
- Багдасарян В. Э., Гришков А. М. История погребальной культуры: танатологическая семантика. — Москва: МГОУ, 2003. — 157 с.
- Багирова К. Э. Социальные и гуманитарные технологии в обществе знания // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. — 2018. — Т. 18, № 2. — С. 174–178. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178>
- Байбосунова Г. У., Джунушалиева З. А. Трансформация ценностей современной кыргызской молодежи (философско-психологический анализ) // *Бюллетень науки и практики*. — 2024. — Т. 10, № 12. — С. 512–519. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/109/67>
- Братерский М. В. Мир фрагментации на смену миру глобализации // *Актуальные проблемы Европы*. — 2024. — № 1. — С. 18–41. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02>
- Дворников Э. П. К вопросу о семантике погребального обряда в древних культурах // *Мир Евразии*. — 2015. — № 2. — С. 36–38.
- Домбровская А. Ю., Огнев А. С. Субъектно-деятельностный подход к типологизации гуманитарных технологий как инструментальной основы воздействия на общественное сознание // *Власть*. — 2024. — Т. 32, № 5. — С. 37–42. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-37-42>
- Иванова С. В. Погребальная обрядность: дискурсивно-мировоззренческий аспект // *Структурно-семиотические исследования в археологии. Том 1*. — Донецк: ДонНУ, 2002. — С. 45–54.
- Казаков М. А. Гуманитарные технологии в современном политическом процессе России // *Вестник Кемеровского государственного университета*. — 2014. — № 1-1. — С. 88–91.
- Кольченко В. А. Архивные материалы по археологии как часть культурного наследия (на примере данных обисследования в Кыргызстане) // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ*. — Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2020. — С. 75–80.
- Кочкунов А. Этнические традиции кыргызского народа: (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). — Бишкек: Институт истории и культурного наследия, 2013. — 320 с.
- Ламажаа Ч. К. Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // *Новые исследования Тувы*. — 2023. — № 1. — С. 6–25. <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Ламажаа Ч. К. Национальный характер тюркоязычных народов Центральной // *Новые исследования Тувы*. — 2013. — № 3. — С. 69–83.
- Ламажаа Ч. К. Этнокультурный неотрадиционализм и этническая идентичность // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения*. — 2016. — № 8. — С. 33–38.
- Лебедева М. М. Политическая организация мира в условиях современных мегатрендов: сценарии развития // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. — 2021. — Т. 26, № 3. — С. 10–21. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
- Лихотинский В. А. Традиция как социальный фактор // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. — 2025. — № 1. — С. 234–241. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-234-241>
- Мадюкова С. А. Этнокультурный неотрадиционализм в глобализирующемся обществе // *Этносоциологию – молодым. Выпуск 2*. — Улан-Батор; Новосибирск: Институт философии и права СО РАН, 2013. — С. 172–181.
- Молдалиева М. И. Историко-генетический подход в исследовании этногенеза и материальной культуры древних кыргызов // *Международный журнал экспериментального образования*. — 2021. — № 1. — С. 68–72.
- Ниязов Н. А. Глобализация как форма солидарных отношений и её социокультурные последствия // *Этноисторические, правовые и культурно-языковые основания бытия современного человека*. — Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. — С. 225–229.

- Орозбекова Ж., Мыльникова Л. Н. Становление и развитие исследований погребальной культуры кыргызов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2025. — Т. 24, № 7. — С. 119–131. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-7-119-131>
- Парма Р. В. Гуманитарные технологии в образовании: антропологический поворот в период цифровой трансформации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2025. — Т. 15, № 3. — С. 21–30. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-21-30>
- Парма Р. В., Сучилина А. А. Дискурс гуманитарных технологий в современных научных исследованиях: отечественный опыт и зарубежная практика // Власть. — 2025. — Т. 33, № 1. — С. 51–56. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-51-56>
- Семенова В. И. Универсалии традиционной погребально-поминальной обрядности в контексте пространственно-временного кода (возможности реконструкции) // Вестник Тюменского государственного университета. — 2006. — № 6. — С. 169–172.
- Слинкова О. К. Гуманитарные технологии в сервисе: основные признаки и подходы к типологии // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2021. — Т. 1. — С. 80–86.
- Соломин В. П., Митин А. Е., Верещагина Н. О. Гуманитарные технологии как новая форма функционирования гуманитарного знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2011. — № 132. — С. 198–208.
- Фаткуллина Г. Р., Каримов А. Г. Укрепление социальной сплоченности общества как механизм повышения качества жизни населения // Социодинамика. — 2020. — № 7. — С. 25–38. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.7.33240>
- Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. — Москва: Проспект, 2017. — 496 с.
- Шаткин М. А., Орлов М. О. Этнокультурная традиция как наследие: реконцептуализация в условиях современности // Россия и современный мир. — 2024. — № 4. — С. 190–204. <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>
- Щеглов И. А. Гуманитарные технологии как область социально-философского осмысления // Социально-гуманитарные знания. — 2024. — № 7. — С. 123–127.
- Щипков А. В. Переосмысление феномена традиции в современных социогуманитарных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2017. — № 3. — С. 38–43.
- Belliveau J. Humanitarian Access and Technology: Opportunities and Applications // Procedia Engineering. — 2016. — Vol. 159. — P. 300–306. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.08.182>
- Bowlby J. Processes of mourning // The International Journal of Psycho-Analysis. — 1961. — Vol. 42. — P. 317–340.
- Boyd R., Richerson P. J. The Evolution of Ethnic Markers // Cultural Anthropology. — 1987. — Vol. 2, No 1. — P. 65–79. <https://doi.org/10.1525/can.1987.2.1.02a00070>
- Doughty E. A., Hoskins W. J. Death Education — An Internationally Relevant Approach to Grief // Journal for International Counselor Education. — 2011. — Vol. 3, No 1. — P. 25–38.
- Kübler-Ross E. On Death and Dying. — New York: Scribner, 1969. — 288 p.
- Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief. 1944. [classical article] // The American Journal of Psychiatry. — 1994. — Vol. 151, No 6 Suppl. — P. 155–160. <https://doi.org/10.1176/ajp.151.6.155>
- Tatellbaum J. The courage to grief: Creative living, recovery and growth through grief. — New York: Lippincott & Crowell, 1980. — XII, 177 p.

References:

- Agapov, O. (2025) 'Struggle for Tradition as a Form of Social-Anthropological Practice', *Patria*, 2(1), pp. 89–103. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/3034-4409-2025-2-1-89-103>
- Anarbekova, V. E. (2016) 'Istoricheskaya original'nost' peniya prichetov (koshok — oplakivaniye v stikhakh umershego) v traditsiyakh u kyrgyzov [Historical significance of singing lamentations (koshok — lamentation in verse for the deceased) in the traditions of the Kyrgyz]', *Nauka, tekhnika i obrazovaniye*, (7), pp. 80–82. (In Russian).

- Bagdasaryan, V. E. and Grishkov, A. M. (2003) *Istoriya pogrebal'noy kul'tury: tanatologicheskaya semantika* [History of burial culture: thanatological semantics]. Moscow: MGOU Publ. (In Russian).
- Bagirova, K. E. (2018) 'Social and Humanitarian Technologies in the Society of Knowledge', *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*, 18(2), pp. 174–178. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-174-178>
- Baybosunova, G. and Dzhunushaliev, Z. (2024) 'Transformation of Values of Modern Kyrgyz Youth (Philosophical and Psychological Analysis)', *Bulletin of Science and Practice*, 10(12), pp. 512–519. (In Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/109/67>
- Belliveau, J. (2016) 'Humanitarian Access and Technology: Opportunities and Applications', *Procedia Engineering*, 159, pp. 300–306. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2016.08.182>
- Bowlby, J. (1961) 'Processes of mourning', *The International Journal of Psycho-Analysis*, 42, pp. 317–340.
- Boyd, R. and Richerson, P. J. (1987) 'The Evolution of Ethnic Markers', *Cultural Anthropology*, 2(1), pp. 65–79. <https://doi.org/10.1525/can.1987.2.1.02a00070>
- Bratersky, M. V. (2024) 'The World of Fragmentation Is Changing the World of Globalization', *Urgent Problems of Europe*, (1), pp. 18–41. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2024.01.02>
- Chumakov, A. N. (2017) *Metafizika globalizatsii. Kul'turno-tsivilizatsionnyy kontekst* [Metaphysics of Globalization. Cultural and Civilizational Context]. Moscow: Prospekt Publ. (In Russian).
- Dombrovskaya, A. Yu. and Ognev, A. S. (2024) 'A Subject-Activity Approach to the Typologization of Humanitarian Technologies as an Instrumental Basis for Influencing Public Consciousness', *The Authority*, (5), pp. 37–42. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-37-42>
- Dvornikov, E. P. (2015) 'To the Question About the Semantics of Burial Rites in Ancient Cultures', *Mir Yevraziï*, (2), pp. 36–38. (In Russian).
- Fatkullina, G. R. and Karimov, A. G. (2020) 'Strengthening of social cohesion as a mechanism for improving quality of life', *Sociodynamics*, (7), pp. 25–38. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.7.33240>
- Ivanova, S. V. (2002) 'The Funeral Rite of the Pit Grave Culture Tribes: Discourse and World Outlook Aspects', *Strukturo-semioticheskiye issledovaniya v arkhologii* [Structural and semiotic studies in archeology]. Vol. 1. Donetsk: DonNU Publ., pp. 45–54. (In Russian).
- Kazakov, M. A. (2014) 'Humanitarian Technologies in the Contemporary Political Process in Russia', *Bulletin of Kemerovo State University*, (1–1), pp. 88–91. (In Russian).
- Kochkunov, A. (2013) *Etnicheskiye traditsii kyrgyzskogo naroda: (sotsiokul'turnyye aspekty i nekotoryye voprosy proiskhozhdeniya)* [Ethnic traditions of the Kyrgyz people: (sociocultural aspects and some issues of genesis)]. Bishkek: Institut istorii i kul'turnogo naslediya Publ. (In Russian).
- Kolchenko, V. A. (2020) 'Archival Materials on Archeology as a Part of Cultural Heritage (on the Example of Research Data in Kyrgyzstan)', *Fundamental Problems of the Humanities: Experience and Development Prospects of Rfbr Research Projects*. Barnaul: Altai State Pedagogical University Publ., pp. 75–80. (In Russian).
- Kübler-Ross, E. (1969) *On Death and Dying*. New York: Scribner.
- Lamazhaa, Ch. K. (2013) 'National Temper of Turkic People in Central Asia', *The New Research of Tuva*, (3), pp. 69–83. (In Russian).
- Lamazhaa, Ch. K. (2016) 'Etnokul'turnyy neotraditsionalizm i etnicheskaya identichnost' [Ethnocultural neotraditionalism and ethnic identity]', *Yevraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskiye prilozheniya*, (8), pp. 33–38. (In Russian).
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) 'Concepts of Culture: Form, Idea, Social Regulation', *The New Research of Tuva*, (1), pp. 6–25. (In Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Lebedeva, M. (2021) 'Political Organization of the World in the Context of Contemporary Megatrends: Scenarios of Development', *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 26(3), pp. 10–21. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.2>
- Likhotinsky, V. A. (2025) 'Tradition as a social factor', *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (1), pp. 234–241. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-234-241>
- Lindemann, E. (1994) 'Symptomatology and management of acute grief. 1944 [classical article]', *American Journal of Psychiatry*, 151(6), pp. 155–160. Available at: <https://doi.org/10.1176/ajp.151.6.155>

- Madyukova, S. A. (2013) 'Etnokul'turnyy neotraditsionalizm v globaliziruyushchemsya obshchestve [Ethnocultural neotraditionalism in a globalizing society]', *Etnosotsiologiya – molodym* [Ethnology for the young]. Issue 2. Ulaanbaatar; Novosibirsk: Institut filosofii i prav SO RAN Publ. (In Russian).
- Moldaliev, M. I. (2021) 'Historical and Genetic Approach to Studying Ethnogenesis and Material Culture of Ancient Kyrgyz', *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, (1), pp. 68–72. (In Russian).
- Niyazov, N. A. (2021) 'Globalizatsiya kak forma solidarnykh otnosheniy i yeye sotsiokul'turnyye posledstviya [Globalization as a form of solidarity relations and its socio-cultural consequences]', *Etnoistoricheskiye, pravovyye i kul'turno-yazykovyye osnovaniya bytiya sovremennogo cheloveka* [Ethnohistorical, legal and cultural-linguistic foundations of modern human existence]. Ufa: Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., pp. 225–229. (In Russian).
- Orozbekova, Z. and Mylnikova, L. N. (2025) 'Formation and Development of Research into the Kyrgyz Burial Culture.', *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 24(7), pp. 119–131. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-7-119-131>
- Parma, R. V. (2025) 'Humanities Technologies in Education: Anthropological Turn in the Period of Digital Transformation', *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 15(3), pp. 21–30. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2025-15-3-21-30>
- Parma, R. V. and Suchilina, A. A. (2025) 'Discourse of Humanitarian Technologies in Modern Scientific Research: Russian Experience and Foreign Practice', *The Authority*, 33(1), pp. 51–56. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-1-51-56>
- Semenova, V. I. (2006) 'Universalii traditsionnoy pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti v prostranstve prostranstvenno-vremennogo koda (vozmozhnosti rekonstruktsii) [Universals of traditional funeral and memorial rites in the context of the spatio-temporal code (possibilities of reconstruction)]', *Tyumen State University Herald*, (6), pp. 169–172. (In Russian).
- Shatkin, M. A. and Orlov, M. O. (2024) 'Ethnocultural Tradition as Heritage: The Modern Reconceptualization', *Russia and the Contemporary World*, (4), pp. 190–204. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/rsm/2024.04.12>
- Shcheglov, I. A. (2024) 'Humanitarian Technologies as a Field of Socio-Philosophical Understanding', *Social and humanitarian knowledge*, (7), pp. 123–127. (In Russian).
- Shchipkov, A. V. (2017) 'Rethinking the Phenomenon of Tradition in Modern Social Science and Humanities Studies', *Lomonosov Political Science Journal*, (3), pp. 38–43. (In Russian).
- Slinkova, O. K. (2021) 'Gumanitarnyye tekhnologii v servise: osnovnyye priznaki i podkhody k tipologii [Humanitarian technologies in service: main features and approaches to typology]', *Trudy Bratskogo sluzhashchego universiteta. Seriya: Problemy upravleniya sotsial'no-ekonomicheskimi razvitiyem regionov Sibiri*, 1, pp. 80–86. (In Russian).
- Solomin, V. P., Mitin, A. E. and Vereshchagina, N. O. (2011) 'Humanitarian Technologies as a New Form of Humanitarian Knowledge Functioning', *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, (132), pp. 198–208. (In Russian).
- Tattelbaum, J. (1980) *The courage to grief: Creative living, recovery and growth through grief*. New York: Lippincott & Crowell.

Информация об авторах

Гулзат Усонбековна Байбосунова — старший преподаватель кафедры философии, теории и истории культуры института социально-гуманитарных наук, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д.547 (Кыргызстан)

Замира Айболотовна Джунушалиева — старший преподаватель кафедры психологии института социально-гуманитарных наук, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д.547 (Кыргызстан)

Мырзабек Камчыбек уулу — доктор психологических наук, доцент кафедры психологии, проректор по научной работе, Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына, 720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, д.547 (Кыргызстан)

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

Gulzat Usonbekovna Baibosunova — Senior Lecturer, Department of Philosophy, Theory and History of Culture, Institute of Social Sciences and Humanities, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, 547, Frunze Street, Bishkek, 720033 (Kyrgyzstan).

Zamira Aibolotovna Dzhunushalieva — Senior Lecturer, Department of Psychology, Institute of Social Sciences and Humanities, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, 547, Frunze Street, Bishkek, 720033 (Kyrgyzstan).

Myrzabek Kamchybek uulu — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Psychology, Vice-Rector for Science, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, 547, Frunze Street, Bishkek, 720033 (Kyrgyzstan).

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 14.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 14.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.